

УДК 39, 334.02, 304, 351
DOI: 10.17223/2312461X/20/6

ДИАЛОГ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ: ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) РФ

Александр Сергеевич Басов

Аннотация. Государственная этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) призвана защищать интересы коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в конфликтных ситуациях, когда «хозяйствующие субъекты» (прежде всего добывающие компании) претендуют на использование ресурсов, находящихся на территориях традиционного проживания этих народов. С процедурой этнологической экспертизы также связывают ожидание установления диалога и партнерских отношений между промышленными компаниями и сообществами КМНС. При этом этнологическая экспертиза разворачивается как бюрократическая процедура. По Д. Греберу, бюрократические процедуры характеризуются структурным насилием, т.е. создают такие ситуации, в которых нормативные решения принимаются в условиях суженного, неадекватного знания о контрагенте, в данном случае – о КМНС. Другими словами, если концептуальные основания теории бюрократии Д. Гребера верны, государственная этнологическая экспертиза, реализуемая как бюрократическая процедура, должна структурно противоречить условиям, необходимым для организации диалога и установления партнерских отношений.

Ключевые слова: этнологическая экспертиза, КМНС, структурное насилие, работа воображения, бюрократия

Введение

В данной статье я представлю некоторые этнографические данные, касающиеся практики государственной этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия)¹, основываясь на которых предложу аргумент о структурной непригодности существующей процедуры экспертизы для оправдания связанных с ней ожиданий о налаживании диалога и партнерских отношений между локальными группами КМНС и промышленными компаниями. Статья построена следующим образом: вначале представлены концептуальные основания моего рассуждения и обоснована их применимость к процедуре этнологической экспертизы, охарактеризованы источники, на которые опирается проведенное исследование; затем даны общие сведения об этапах этнологической экспертизы и вовлеченных в неё участниках. Этапы экспертизы последовательно разбираются с точки зрения условий возможности

диалога; в заключении обобщены факторы, препятствующие возможности диалога в рамках процедуры ЭЭ.

Идея исследования, представленного в статье, тесно связана с рассуждением о бюрократии, предложенным Д. Гребером в работе «Утопия правил» (Graeber 2015; рус. пер. Гребер 2016). Гребер различает два базовых модуса человеческого общения, связанного с координацией каких-либо действий и принятием решений: без вмешательства насилия (собственно диалог) и с таковым (иерархическое общение). В первом модусе участникам взаимодействия приходится выполнять так называемую «работу воображения» (*interpretive labor*) по отношению друг к другу: когда участник А хочет наладить взаимодействие с участником Б, ему необходимо представлять себе, каково это – быть на месте Б, понимать, о чем Б беспокоится, на что он надеется, чего желает добиться и т.п. Если А не сможет заинтересовать Б в кооперации, она не состоится – ничто, кроме собственного желания, не толкает Б к взаимодействию с А.

Насилие преобразует ситуацию: если А силой может заставить Б выполнить желательную последовательность действий, то желания самого Б уже не имеют для него существенного значения, работу воображения можно отбросить. Это распространяется и на ситуации, которые хотя и не связаны с непосредственным использованием насилия, но подразумевают возможность его применения (ситуации структурного насилия²): например, Б заранее знает, что А готов применить силу и, выполняя дополнительную работу воображения, ведет себя так, чтобы не спровоцировать А. Структурное насилие создает искаженные структуры воображения (*lopsided structures of imagination*), поскольку способный применить насилие участник может экономить усилия на воображении и иметь очень упрощенное, схематичное представление о своем контрагенте.

Более сложным примером ситуации структурного насилия будет такое взаимодействие между А и Б, когда оба они знают о существовании В, который имеет право и возможность применять насилие и при этом устанавливает правила взаимодействия между А и Б. На уровне абстрактного рассуждения, по-видимому, следует принять, что участники будут прикладывать усилия, чтобы понять волю В, выраженную в правилах; при этом сами правила как таковые по определению являются условными и схематичными не только потому, что у В, согласно условиям рассуждения, нет необходимости выполнять работу воображения по отношению к А и Б и их взаимодействиям, но ещё и потому, что иначе они не могли бы быть приложены ко множеству различных ситуаций, т.е. быть собственно правилами. При этом А и Б имеют повод экономить на воображении друг друга, поскольку эта работа уже выполнена правилами, в согласии с которыми они обязаны действовать.

Впрочем, на это можно возразить, что ничто не мешает В составить действительно хорошие правила, которые бы подталкивали А и Б к взаимной работе воображения или даже обязывали к ней того из них, кто в силу каких-то причин уклоняется.

Последняя схема является модельной для бюрократических процедур, т.е. таких, в которых государство предлагает правила взаимодействия между участниками и поддерживает исполнение этих правил, опираясь на своё монопольное право на использование насилия. Процедура государственной этнологической экспертизы (далее по тексту также ЭЭ), как она действует в республике Саха (Якутия), конечно, в полной мере является бюрократической процедурой в указанном смысле. В неё вовлечены, с одной стороны, локальные группы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС), ведущие традиционный образ жизни; с другой стороны, «хозяйствующие субъекты», намеренные реализовать ту или иную хозяйственную деятельность на территориях традиционного проживания КМНС Якутии; с третьей стороны, государство, принявшее ряд нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие между локальными группами КМНС и хозяйствующими субъектами и обладающих принудительной силой: лица и организации, не подчиняющиеся предложенным правилам, привлекаются к ответственности.

Однако как в публичном, так и в академическом дискурсах от этнологической экспертизы ожидается установление диалога между хозяйствующими компаниями и КМНС, ЭЭ воспринимается как площадка, где последние могут выразить свое мнение, которое обычно не учитывается компаниями, гораздо более могущественными игроками во всех отношениях³ (ср.: Слепцов 2015, Новикова 2017).

Таким образом, бюрократическая процедура ЭЭ воплощает проговариваемую различными акторами надежду на создание условий для возможности диалога, партнерских отношений между компаниями и коренными народами и полноценного участия последних в принятии касающихся их управленческих решений. Далее на материале полевого исследования будут рассмотрены возможности и ограничения функционирующей в настоящее время в РС(Я) процедуры ЭЭ относительно её способности производить указанные условия.

Характеристика источников

Для исследования, результаты которого описываются в статье, материалы собирались в г. Якутске (июнь–июль 2016 г.), а также в г. Москве (сентябрь 2016 г., март 2017 г.) с использованием включенного наблюдения (заседание экспертной комиссии), а также структурированных и неструктурированных интервью с членами экс-

пертной комиссии этнологической экспертизы, экспертами, исполнителями раздела проектной документации «Оценка воздействия на этнологическую среду» (далее также ОВЭС), главой муниципального образования, главным инженером компании-заказчика одной из экспертиз, автором закона об этнологической экспертизе. Помимо диктофонных записей, расшифровок, полевого дневника в состав полевых материалов также входят любезно предоставленные собеседниками в ходе полевого исследования документы, сопровождающие процедуру этнологической экспертизы: заключение экспертной группы на материалы ОВЭС; протокол заседания экспертной комиссии; отдельные разделы готовящегося ОВЭС; открытая документация по закупке, техническое задание, коммерческое предложение, а также договор на реализацию ОВЭС.

Литература, посвященная тем или иным аспектам проведения ЭЭ в РС(Я), также входит в состав источников исследования, поскольку авторы интересующих меня академических статей зачастую являются также акторами, участвующими с той или иной стороны в проведении экспертизы. Так, ряд статей написан либо экспертами этнологической экспертизы (Слепцов 2012, 2013, 2015; Слепцов, Гоголев 2016; Величенко 2016; Пахомов, Мостахова 2016; Пахомов, Чомчоев 2017), либо исполнителями ОВЭС (Баишева 2014, 2016; Сосин 2015; Романова, Алексеева 2015-б; Потравный, Баглаева 2015; Потравный и др. 2016; Гассий и др. 2016). Также часть статей написана экспертами, которые иногда выступают в качестве исполнителей ОВЭС (Бурцева и др. 2012; Бурцева 2015; Шадрин 2013, 2014, 2015).

Кроме материалов, собранных в процессе полевого исследования, и упомянутой академической литературы, источниками для работы послужили также нормативно-правовые акты, регулирующие проведение этнологической экспертизы (законы, постановления, административные регламенты), материалы парламентских слушаний (как федеральных, так и региональных), отчеты глав муниципальных образований.

Этнологическая экспертиза и ее этапы

Этнологическая экспертиза является государственной услугой, которую предоставляет уполномоченный орган Правительства Республики Саха (Якутия). В нормативно-правовых актах этнологическая экспертиза определяется как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (О гарантиях, ст. 1). Результатом проведения экспертизы является заключение, которое утверждается Правительством РС(Я); оно должно содержать «обоснованные выводы о допустимости (недопустимости) воздействия на исконную среду

обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов намечаемой хозяйственной и иной деятельности и о возможности ее реализации» (Об этнологической экспертизе, ст. 8) и может быть, соответственно, положительным или отрицательным. В отсутствие положительного заключения реализация хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов не является легальной.

При реализации этнологической экспертизы события разворачиваются в такой последовательности. Юридическое лицо, предполагающее какую-либо деятельность на территории, являющейся местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, готовит пакет документов, в который входит пояснительная записка по реализации задуманной деятельности и проектная документация.

Обязательным в проектной документации является раздел «Влияние изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (в интервью, собранных мной во время полевого исследования, данный раздел проектной документации фигурировал под названием «Оценка воздействия на этнологическую среду», ОВЭС; эти названия употребляются в статье как синонимичные), содержание которого регламентировано. Указанный раздел должен давать основные сведения о проекте намечаемой деятельности и об альтернативных вариантах его реализации; характеризовать состояние малочисленных народов, состояние видов традиционной хозяйственной деятельности, состояние соответствующих последней земель и необходимых ресурсов, а также фиксировать значимые объекты историко-культурного наследия, поселения, значимые постройки и стоянки; давать оценку размера причиненных убытков; давать рекомендации и предложения по минимизации ущерба и обеспечению устойчивого развития затронутых освоением мест проживания КМНС (Административный регламент... ст. 25.2). Оценка размера убытков, причиненных малочисленным народам и их объединениям в результате нанесения ущерба их исконной среде обитания, осуществляется в соответствии с «Методикой исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (далее – Методика), утвержденной приказом Министерства регионального развития Российской Федерации от 09.12.2009 N 565 (О порядке организации... раздел II, ст. 5). В обычном случае (т.е. во всех проведенных до сих пор экспертизах) для подготов-

ки ОВЭС в качестве подрядчика нанимается отдельный исполнитель, способный выполнить удовлетворяющее названным требованиям исследование.

Подготовленный пакет документов передается в уполномоченный орган по проведению этнологической экспертизы. Экспертная комиссия в каждом отдельном случае проведения экспертизы формирует и утверждает состав экспертной группы (не менее трёх экспертов), которая будет проводить экспертизу поданной заказчиком документации. Таким образом, полевые исследования проводят исполнители ОВЭС. Сама процедура этнологической экспертизы не предполагает проведения экспертами полевых или вообще каких-либо научных исследований. Задача экспертной группы состоит в том, чтобы оценить соответствие полученных на экспертизу документов требованиям законодательства, а также оценить адекватность приведенных в документации заказчика исчислений размеров компенсации убытков и разработанных им предложений и рекомендаций, направленных на социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов, защиту их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов (Об этнологической экспертизе, ст. 3). Экспертная группа готовит заключение по документации заказчика, при необходимости обращаясь к заказчику за дополнительной информацией. Заключение должно содержать рекомендацию экспертной комиссии принять положительное или отрицательное решение.

Затем на заседании экспертной комиссии, состав которой утверждается Правительством РС(Я), при участии представителей заказчика и непосредственных представителей КМНС соответствующего района (без права голоса) рассматривается заключение экспертной группы. Квалификационным большинством состава комиссии принимается положительное или отрицательное итоговое заключение. Принятое заключение утверждается распоряжением Правительства РС(Я), после чего приобретает силу нормативно-правового акта и обязательно к исполнению. В случае положительного заключения реализация заказчиком хозяйственной или иной деятельности должна сопровождаться этнологическим мониторингом⁴.

Всего на момент написания статьи мне известно о проведении 8 этнологических экспертиз. Все проекты получили положительные заключения⁵. Далее будут рассмотрены отдельные этапы экспертизы с точки зрения тех обстоятельств её проведения, которые создают условия или барьеры для диалога, т.е. для того, чтобы прежде всего компания выполняла работу воображения по отношению к группам КМНС, с которыми сталкивается, а последние имели возможность полноценно представлять свои интересы и быть услышанными, т.е. полноценно участвовать в принятии касающихся их управленческих решений.

Подготовка и выполнение ОВЭС

Разработка технического задания для выполнения ОВЭС

Во всех состоявшихся экспертизах написание ОВЭС поручалось внешним относительно компании специалистам. Это действие сопровождается составлением технического задания и договора об оказании услуг. При этом исполнитель обязан следовать пунктам ТЗ, иначе его работа не будет принята и оплачена – таковы условия функционирования деловой, корпоративной бюрократии.

Из числа имеющихся в моем распоряжении документов я опишу наиболее подробно составленное техническое задание. Согласно данному ТЗ работа должна была состоять из четырех разделов: 1. «Оценка традиционного природопользования территории». 2. «Этнокультурная, социально-экономическая и медико-демографическая характеристика территории». 3. «Воздействие на объекты археологического наследия». 4. «Воздействие... (*проекта*)... на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера и мероприятия по минимизации такого воздействия». К каждому разделу даны более или менее подробные комментарии, поясняющие, каким должно быть его содержание или на что необходимо обратить особое внимание.

Так, во втором разделе, помимо стандартных статистических данных о численности и размещении коренных малочисленных народов, социальной структуре, занятости и образовании населения, медицинском обслуживании и уровне заболеваемости, уровне и качестве жизни населения, согласно ТЗ должны быть также приведены специфические «этнические» данные: «...показатели этнологического мониторинга (языковая ситуация, структура питания (доля этнической пищи)), функционирование родного языка (наличие литературы, СМИ, географических и административных названий на этнических языках, использование этнической символики в городской среде, в оформлении административных зданий). Показатели функционирования этнической культуры (наличие этнокультурных центров, музеев, фольклорных ансамблей, сувенирных мастерских, обеспечение права на традиционные промыслы и фольклор)» (ПМА 2016: ТЗ).

На выполнение всей работы отводится три с половиной месяца: один месяц – на полевую часть, два с половиной – на обработку данных и написание отчета (ПМА 2016: ТЗ). Указанные требования к разделам свидетельствуют о вполне серьезном подходе авторов ТЗ, о стремлении учесть различные нюансы и в целом – о благонамеренности и добропорядочности составителей. В этом же ключе любопытно следующее дополнительное условие к исполнителю: «Участие в общественных об-

суждениях с населением... (*населенного пункта*)... и общественности проекта ОВЭС (выезд в командировку)» – по-видимому, не частая практика (см. далее обсуждение заседания экспертной комиссии). Важно отметить, что рамках всего ТЗ общественные слушания ближе всего подходят к тому, что можно было бы назвать диалогом, все остальные требования к содержанию работ и способам их проведения скорее воспроизводят способ отношения к исследуемым группам как к объектам исследования, о которых необходимо получить достоверную объективную информацию, отражающую «реальное» положение дел. Особенно характерны в этом ключе следующие условия, которые ставились к ходу работ:

«Совместно с Комитетом по земельным и имущественным отношениям... (*района*)... получить правоустанавливающие документы, в том числе координаты и площади территорий отведенных для КРО [кочевые родовые общины. – *А.Б.*]. ...Запросить в пунктах заготовительных контор (ГУП ФАКП «...» и др.) официальные сведения о цене на прием продукции традиционного промысла за последние 2–3 года. ...В КРО получить официальные сведения о количестве продукции традиционного промысла, потребляемой на собственные нужды ее членов» (ПМА 2016: ТЗ).

Характерен акцент на необходимости получения документированных, подтвержденных, официальных сведений⁶. Более того, одно из требований к исполнителям в доступной мне конкурсной документации (во всех отношениях тщательно и внимательно написанной), а именно: «положительный опыт прохождения этнологической экспертизы проектной документации, разработанной Исполнителем», по-видимому, является более вежливой и аккуратной формой требования получить положительное заключение как таковое (работа считается выполненной, когда получено положительное заключение), о котором в качестве анекдотичного случая рассказывают исследователи (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС), и в этом качестве указывает на то, что задача компании при прохождении экспертизы состоит скорее в том, чтобы получить положительное заключение, нежели в том, чтобы оценить риски реализации хозяйственной деятельности с точки зрения групп КМНС.

Проведение исследований и написание отчета ОВЭС

Так или иначе, ситуация ОВЭС внутри экспертизы, по-видимому, является ситуацией наиболее полного участия КМНС в процедуре – на всех других этапах экспертизы участие непосредственных представителей локальных групп КМНС, как указывалось выше, никак не оговорено и не предполагается. Рассмотрим теперь, как проходит процесс полевого исследования, как «исполнитель» реализует заказанное ТЗ.

Исследователи, проводившие ОВЭС, иногда публикуют некоторые полученные результаты. Ниже я рассмотрю статью, в которой довольно подробно описывается ход исследования (Гассий и др. 2016).

Авторы сообщают, что исследование организовано следующим образом. На первом этапе проводился общий сбор информации, проходили встречи экспертов с представителями профильных министерств и ведомств РС(Я) (Министерства охраны природы, Государственного комитета по делам Арктики, Министерства сельского хозяйства и продовольственной политики, Департамента по делам народов Республики, Министерства здравоохранения, Департамента охотничьего хозяйства, ОАО «Сахагинрозем»). На втором этапе проводились полевые работы с выездом на объекты, социологические опросы населения, встречи экспертной группы с жителями национальных наслегов. На третьем этапе производилась оценка возможных убытков, а также разрабатывались механизмы компенсации потерь и устойчивого развития территории.

Наиболее вовлекающим КМНС, очевидно, является второй этап. Социологические исследования были сосредоточены на фиксации отношения местных жителей к деятельности добывающей компании (Гассий и др. 2016, 93–94). Результаты исследования представлены следующим образом. Было опрошено 167 человек, из которых 48% имеют отношение к традиционным промыслам. Опрос содержал вопросы о приоритетных социально-экономических проблемах (варианты ответа: отсутствие рабочих мест; низкий доход населения; отсутствие дорог; отсутствие перспектив у молодежи), экологических проблемах (сокращение количества объектов традиционного промысла; обеспечение качественной питьевой водой; отсутствие системы сбора и переработки мусора; изменение климата), способах получения компенсации (подписание соглашения о трехстороннем партнерстве (недропользователь, органы государственного управления и коренные жители); создание компанией фонда для компенсации убытков; соглашение о партнерстве и компенсационные платежи), формах компенсации (единовременная денежная выплата; ежегодная денежная выплата в течение хозяйственной деятельности на лицензионном участке; благоустройство территории поселка; создание и содержание объектов сельскохозяйственного назначения – оленеводческих, рыбоперерабатывающих и др.; участие компании в комплексном развитии территории), возможных адресатах компенсации (каждому жителю, коренным общинам поселка, улусу в целом, всем перечисленным). Ответы по каждому вопросу представлены в процентном отношении. На основе полученных ответов сформированы рекомендации по возможности ведения добывающей деятельности и по способам и формам компенсации наносимого ущерба, приведенные в конце статьи.

К сожалению, в статье не охарактеризованы способы проведения опроса и составления выборки (чего можно было бы ожидать, если авторы стремились к репрезентативности, на что указывает количественное представление результатов), а также не приведены разъяснения, касающиеся того, почему одни варианты ответа были более популярны, нежели другие. Также остается открытым вопрос о том, как были сформированы именно такие варианты ответа, предшествовало ли данному опросу какое-либо пилотное качественное исследование. Таким образом, оценить, насколько корректно проведенное авторами исследование представляет позицию групп КМНС, кажется затруднительным. В данном случае я бы хотел акцентировать внимание не на том, были ли у авторов какие-либо методологические основания при подготовке опроса (я предполагаю, что были), а на том, что авторам не кажется важным объяснять эти моменты, как если бы никто и не ожидал этого от статьи о результатах проведенной ОВЭС. Кроме того, из описания исследования кажется очевидным, что никакие представители КМНС не были вовлечены в исследование ни в какой иной роли, кроме как в роли объектов исследования.

К описанному ходу полевого исследования добавлю несколько деталей, почерпнутых из интервью с различными исполнителями ОВЭС. В рамках одного из исследований рабочая группа исполнителей действовала следующим образом. Была разработана анкета, сделана выборка по категориям, в которую попало 148 респондентов (общее население – около 700 человек), исследование проводилось в течение 10 дней. Обычную срочность подобной работы и связанные с ней издержки прекрасно охарактеризовал один из собеседников: «Тут еще, Вы поймите, это всегда форсмажор. Поэтому немножко сыровата анкета оказалась» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

После анкетирования было проведено интервьюирование выбранных респондентов (около 50 интервью). Вопросы касались отношения к проекту, ожиданий/пожеланий, связанных с промышленной деятельностью и предполагаемыми компенсациями:

АБ: Как Вы строили интервью, какие темы?

Исполнитель ОВЭС (Исп): Спрашивали их отношение к проекту. Потом надо было на карте фиксировать священные места, где захоронения, старые стоянки. И еще: что бы они хотели от этого проекта. Главное – чтобы трудоустроили. Второе – чтобы была компенсация для оленеводов. Третье – чтобы в год хотя бы одного-двух выпускников, чтобы им оплачивали учебу на горных специальностях. И еще про онкологические заболевания (речь идет об обеспокоенности местных жителей ростом количества онкологических заболеваний, который они связывают с деятельностью промышленного предприятия. – А.Б.).

АБ: А про отношение к... (компании)... что говорят?

Исп: В прошлом году отношение было нормальное. Большинство говорили, что проект нужен, чтобы поселок развивался. Ждали дорог, трудоустройства, что наши будут учиться. А потом весной – вот поняла, что отношение совсем изменилось, потому что обещания не сдержали. Люди разочаровались (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

Показательным является набор ожиданий – стандартный, который соответствует стандартному, по-видимому, содержанию трехстороннего соглашения о сотрудничестве в области социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: «принять на работу, научить-обучить, помочь при финансировании объектов» (ПМА 2016: представитель компании).

Любопытный комментарий, также касающийся ожиданий от этнологической экспертизы, был получен от другого исполнителя ОВЭС:

«Сейчас общины начали получать деньги – и бросаются в другую крайность, стараются только деньги получить, а все остальное не интересуется. А ведь этнологическая экспертиза о другом – не столько о выплатах, сколько о рассмотрении альтернатив, минимизации ущерба, только потом о компенсациях... Пример из работы по... (проекту)... Мнение населения, какие меры предприятие может оказать для компенсации и вообще: оплатить учебу детям, заплатить за изъятие земли, дать рабочие места, дорогу содержать. Я им говорю: ну, все это только поможет добить ваш образ жизни – дети уедут, люди станут работать на предприятии. А суть мероприятий – восполнить ущерб оленеводству. Чтобы оно дальше жило» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

Любопытной в данном случае является не только точка зрения исследователя, но и его взаимодействие с исследуемым населением. Это взаимодействие, очевидно, не ограничивается исследованием и фиксацией того, что «на самом деле» думают и чего ожидают общины, а переходит скорее к производству этого «на самом деле». Исследователь включается в процесс производства ожиданий и понимания жителями собственного положения и собственных интересов. При этом его точка зрения является «одной из», она может быть оспорена, отвергнута или принята. В рамках работы над конкретным разделом ОВЭС, касающимся рекомендаций, исследователь вступает в диалог с членами исследуемого сообщества. Можно было бы сказать, что такого рода диалоги – одно из достоинств процедуры ЭЭ, которая своим существованием дает им повод случиться, дает повод представителям компании (можно считать, что исполнитель ОВЭС является в момент выполнения ТЗ частью компании) вступить в диалог с членами сообществ КМНС. С другой стороны, если кто-то пожелает не согласиться с тем, что данный диалог действительно является устойчиво воспроизводимым равноправным диалогом между КМНС и компанией, а скорее обусловлен личной позицией конкретного исследователя и не имеет непосред-

ственного или очевидного отношения ни к требованиям компании относительно ОВЭС, ни к тому, как в итоге будет выстроено дальнейшее взаимодействие компании и конкретного сообщества, – в таком случае сложно сказать, как можно было бы возразить. В самом деле, о других подобных диалогах мне в ходе полевого исследования слышать не доводилось.

Проведение общественных слушаний с обсуждением результатов ОВЭС

Как упоминалось в описанном выше ТЗ на ОВЭС, прежде чем отчет будет подан на этнологическую экспертизу, компания может обсудить его на общественных слушаниях. При проведении последних за месяц до слушаний сообществу должен быть открыт доступ к материалам, по которым готовятся вопросы и предложения, затем приезжает заказчик, приходят жители, регистрируются, вносят предложения и замечания, которые фиксируются в соответствующем журнале, а завершается всё голосованием по вопросам повестки.

При этом существуют определенные нюансы: «Постоянно объясняем, какой должен быть регламент. Что вопросы или замечания должны быть зафиксированы. Надо с паспортом приходить. Подпись поставить в явочном листе. За всем этим надо следить. Потому что если не следить – мнение могут не засчитать. В журнале надо писать свои соображения. Не просто “я против”, а аргументировать... Еще надо читать документацию. Все тома. Уметь это делать. У каждой общины есть какой-то выход на ученых – или выходцы, или через нас. Надо проявлять активность» (ПМА 2016: представитель ассоциации КМНС в РС(Я)). Другими словами, участие в общественных слушаниях в режиме привычного для жителей повседневного общения не является достаточным. Чтобы оказать какое-либо воздействие на дальнейшие управленческие решения, поведение жителей должно соответствовать определенной бюрократической культуре.

С другой же стороны, само по себе проведение общественных слушаний, независимо от того, какое влияние они оказывают (или не оказывают) на дальнейшие события, нельзя считать фактом диалога. В качестве иллюстрации я приведу фрагмент из рассказа о проведении конкретных общественных слушаний, на которых в том числе был представлен раздел отчета ОВЭС.

Исп: Открыл слушания местный гендиректор... (*имя*)... и дал слово московскому представителю. Тот стал рассказывать про всякое, но население прервало, спросило конкретно: как будут взаимодействовать с местным населением? Например, вот пообещали трудоустроить молодых, а до сих пор еще не трудоустроили. Из-за этого администрация очень враждебно была настроена на третьих слушаниях...

Второй момент: ...(*компания*)... улусу каждый год выделяет какие-то деньги – какая сумма доходит до самого наслега? Не смогли ответить тоже. И глава улуса не ответил.

Третий момент: на месте разработки находится территория 5 стада. Что будете с этим делать? ...(*компания*)... говорит, что там пастбища нет – они отправляли вопрос в ГУП (...), им ответили, что там нет ничего. Народ возмутился, была тоже конфликтная ситуация...

Четвертый вопрос – возмущение о шоферах, которые прямо посреди поселка проезжают очень громко и мусорят. Попросили сделать дорогу в объезд поселка.

Пятый вопрос – в качестве компенсации могут ли помочь в финансировании строительства спорткомплекса. Пообещали поставить окна, двери, батареи...

АБ: Кто составлял повестку заседания?

Исп: ...(*компания*)... Предварительно встретились, составили план, согласовали его с главой администрации наслега. На основе этого проекта пошли слушания...

АБ: За что голосовали?

Исп: Принять повестку дня. Разрешить деятельность... (*компании*)... Население сказали, что при условии учета требований. Проголосовали «да»...

По экспертизе я выступила. Вкратце сказала, что мы провели этноэкспертизу, и в своем отчете какие, как мы считаем, меры могут быть предприняты, как... (*компания*)... может компенсировать. И какая ситуация может быть впредь, какие угрозы.

АБ: Как люди реагировали?

Исп: Они согласились, что я все сказала про риски и компенсации... (*компания*)... молчала, а в конце моего выступления гендиректор мне сказал, что у него возникли вопросы по компенсации. Сказал, что потом меня пригласит. Но больше никакой связи с ним не было (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС).

В приведенном фрагменте следует отметить, во-первых, темы, которые беспокоят жителей в связи с деятельностью компании – уже перечислявшийся выше стандартный набор мер и проблем с которым привычно работать компании и который привычно проговаривать сообществу; во-вторых, фокус слушаний – основной вопрос касался того, разрешить или нет деятельность компании, отчет по ОВЭС был лишь одной из побочных тем; в-третьих, большое количество лакун в общении сторон («не смогли ответить»; «говорят, что там пастбища нет ...народ возмутился»; вопросы по компенсации у гендиректора, «больше никакой связи с ним не было»). Общественные слушания – разовое (впрочем, в некоторых случаях проводятся несколько раз) событие. Чтобы оно могло быть событием диалога, этому должна предшествовать, оче-

видно, некоторая история диалоговых отношений на предварительных этапах. Подготовка ОВЭС и в силу срочности полевого этапа, и в силу ориентированности исследователей на выполнение пунктов ТЗ, как кажется, не обеспечивает такой истории для вовлеченных сторон.

Прием компанией результатов ОВЭС

Чаще всего в ходе интервью исполнители ОВЭС отвечали, что не знают, кто и как в компании читает их отчет. В некоторых случаях сообщали, что «в... (компании)... целый департамент, и они подробно выпрашивали, особенно про правоустанавливающие документы» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС). Характерный акцент на документальном удостоверении действительности уже отмечался выше. В других случаях упоминались совещания с представителями компании, на которых обсуждались отдельные результаты исследования: «...уже по возвращении нас директор... (компании)... позвал, хотел узнать наши ощущения относительно села, можно ли там работать. Мы сказали, что население не против, но надо больше контактировать с ним. Его больше, как я понял, интересовали частные вопросы – условно, в прошлом году приехали три дембеля, повлияли ли они на криминогенную обстановку в селе? Я о таком даже не задумывался» (ПМА 2016: исполнитель ОВЭС). Любопытно, что направленность интереса представителя компании в данном случае была связана скорее с рисками ведения деятельности на определенной территории, чем с попытками понять положение того сообщества, с которым предстояло работать.

Текст ОВЭС

Результаты ОВЭС не публикуются. С тем, чтобы ознакомиться с примером такого текста во время полевой части моего исследования, также возникли некоторые трудности. Основным мотивом собеседников для отказа в таком ознакомлении были права собственности компании (при этом в самой компании у моего собеседника не оказалось отчета под рукой). Подобное отсутствие опубликованных отчетов по ОВЭС, кажется, в значительной степени тормозит совершенствование текстов отчетов, поскольку исследователи, работающие над следующими проектами, вынуждены начинать с чистого листа (если ранее они не были вовлечены в другие экспертизы). Впрочем, существует одно исключение: материалы ОВЭС по одной из экспертиз были выложены на сайте правительства РС(Я)⁷ и служат образцами, на которые ориентировались, по крайней мере, некоторые исследователи: «...ряд отчетов об Алданском и Олёкминском районах пару лет назад. Посмотрел, как они описывают, и попытался сделать так же. Чтоб была общая структура. Вот я посмотрел,

они делали много таблиц (*речь о разделах по демографии, социальному и экономическому положению КМНС*), я тоже решил много таблиц сделать, больше цифр, как можно нагляднее» (ПМА 2016: исполнитель ОБЭС). Именно этот текст и будет проанализирован мной далее.

Рассматриваемый текст ОБЭС в точности соответствует по структуре требованиям Постановления, описанным выше. Интересно, в первую очередь, как авторы отчета истолковали, что должно быть помещено в каждом разделе.

Во введении сообщаются основания для выполнения отчета (договор между исполнителем и заказчиком) и официальные требования к отчету, которые предъявляются в законодательстве, в том числе соответствующие определения и необходимые разделы. Помимо этого, во введении дан комментарий по поводу Методики: отмечено, что последняя «предназначена для оценки размера убытков в результате воздействия на окружающую природную среду и хозяйственную деятельность, но не предназначена в качестве инструмента оценки социальных и культурных последствий промышленного освоения на коренное население в зоне воздействия проекта», но также утверждается, что представленная работа направлена на комплексную оценку воздействия (Отчет 2013: 4). С одной стороны, это интригует: интересно, каким образом будет осуществлена оценка воздействия на социальную и культурную «среду». Однако, с другой стороны, кажется, что амбиции отчета ограничены именно оценкой воздействия и при этом сугубо в тех рамках, которые заданы законодательством. Еще более в этом убеждает подраздел 1.1 первого раздела под названием «Нормативно-правовая база». Содержание данного подраздела совершенно не описывает «Общие сведения о проекте намечаемой хозяйственной деятельности» (название первого раздела), поскольку состоит из перечисления нормативно-правовых актов, на которые ориентируются авторы отчета, а также перечня проанализированной проектной документации, законодательных норм и методической литературы, использованных при подготовке отчета. На этом основании мне кажется более уместным воспринимать его как часть введения. В этом разделе меня удивило отсутствие упоминаний о проведенных авторами полевых исследованиях или собранных в процессе таковых материалах. Такого упоминания следовало ожидать, поскольку далее в тексте имеются данные проведенных опросов, размещено большое количество фотографий, составлены подробные карты территорий родовых общин, что свидетельствует о том, что какие-то полевые исследования проводились. Но ни во введении, ни где бы то ни было еще в тексте отчета не описано, как и когда они проводились, как и почему были сделаны выводы.

Как и в случае с приведенной выше статьей, описывающей исполнение ОБЭС, мне кажется важным отмечать отсутствие подобных упо-

минаний, поскольку именно они могли бы свидетельствовать о качестве проведенных исследований, о каком-либо обосновании претензии на представление точки зрения КМНС. При этом, на мой взгляд, важно не столько то, что в отсутствие указанных разъяснений нет оснований доверять исследователям, сколько то, что исследователи не считают важным убедить читателя, что исследование проведено корректно, что точка зрения КМНС представлена адекватно. Судя по введению, исследователям кажется более важным убедить читателя, что учтены все относящиеся к делу нормативно-правовые акты, и исследование в точности соответствует имеющимся в них требованиям.

В разделе, касающемся «этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов», сначала приводится обширная статистика по положению КМНС в Якутии вообще, потом по затрагиваемым в проекте районам вообще. Интересно при этом, что если в случае с описаниями экономической части авторы делают какие-то выводы, например, рост безработицы связывается с ростом значимости традиционных видов занятости (Отчет 2013: 25–26), то из данных об образовании, владении языком, здравоохранении никаких выводов не делается.

Раздел, характеризующий виды традиционной хозяйственной деятельности КМНС (наиболее объемный в отчете), так же, как и предыдущий, построен по принципу «от общего к частному»: при описании каждого вида промысла сначала дается статистическая информация о его состоянии в Якутии вообще, затем в конкретном районе. После общей части авторы отчета описывают положение каждой отдельной родовой общины, затронутой осуществлением проекта. К описанию каждой общины применена одинаковая схема, согласно которой сначала упоминается имя главы общины, затем указываются правоустанавливающие документы и лицензии, виды традиционной деятельности, в которые вовлечена община, количество членов общины, приводится карта её территории, отмечено, к какому «хозяйственному центру» (поселению) она привязана, представлены фотографии членов общины во время осуществления традиционной деятельности, перечисляется имеющаяся в распоряжении общины производственная техника (лодка, снегоход, мотоцикл), после чего приводятся количественные характеристики по каждому виду традиционного природопользования, в который вовлечена община: оленеводство (сколько оленей, как реализуется, схема угодий), охотпромысел, рыбалка, сбор ягод.

Из повторяющейся схемы «от общего к частному», большого количества приводимой авторами статистики (иногда даже не очень понятно, к чему именно она приводится – как в случае с данными о КМНС Якутии вообще), количественного описания состояния общин мы, как кажется, узнаем некоторые устойчивые, объективные вещи о состоянии живущих в местах реализации проекта людей, однако авторы ничего не

сообщают нам о том, что значит быть охотником в общине «Киндигирь». Любопытно, что и фотографии, которые дают довольно сильное ощущение присутствия, вписаны в текст не в этой роли, а скорее в виде иллюстраций к тому, что представители общины действительно занимаются традиционной хозяйственной деятельностью (пример подписи к фотографии, на которой запечатлены улыбающиеся дети с большим количеством собранных ягод: «Рисунок 4.4.17 Сбор дикоросов общиной «Сэргэлээх» (Отчет 2013: 49).

Что касается приверженности авторов доклада количественным показателям, любопытным примером таковой является приведенная в разделе «Разработка рекомендаций и предложений в соответствии с требованиями действующего законодательства» таблица оценки воздействия реализации проекта на этнологическую среду, итоговая цифра которой показывает, что «в результате строительства двух ЛЭП 220 кВ НПС-15 – НПС-16 ожидается ухудшение этнологической среды на 10%» (Отчет 2013: 65). Что именно скрывается за десятью процентами ущерба, и как авторы переводят в сравнимые единицы влияние на демографию, культуру, собирательство и рынки сбыта продукции, к сожалению, не объясняется.

Таким образом, стремление показать, что все правила учтены и объективно, в цифрах, зафиксированы все необходимые параметры деятельности КМНС, не только доминирует в тексте отчета и в том, как видят авторы свою задачу, но и вытесняет ту работу воображения, которая спонтанно возникает в процессе исследования или составления текста отчета.

Работа экспертной группы

Работа экспертной группы начинается после того, как проектная документация подается на этнологическую экспертизу.

Экспертная группа вырабатывает заключение, которое является основным источником информации для большинства членов комиссии. Заключение описывает проектную документацию (не только ОВЭС, но все разделы, поданные на экспертизу) и оценивает ее. Содержание данного текста не регламентировано. Наиболее сильное впечатление при чтении доступного мне заключения экспертной группы произвел контраст между весьма суровой критикой поданных на экспертизу материалов (например, некорректный радиус воздействия; заниженная стоимость оленя; заниженные убытки по охоте; опора на литературные источники и аналогии, а не на собранные на местах сведения в оценке рыболовства; недостаточная представленность социально-экономических обязательств компании) и итоговым положительным заключе-

нием. При этом решение всех названных проблем оставляется на период этномониторинга (ПМА 2016: заключение экспертной группы).

Одно из объяснений таких решений может быть построено как своеобразное отражение того способа, каким обосновывается преимущество процедуры государственной ЭЭ по отношению к общественной (ср. Слепцов 2015). Последнее заключается в том, что при применении ЭЭ сообщества КМНС гарантированно получают относительно большие суммы компенсации. В условиях противоречивости законодательства и политики, направленной скорее на поддержку промышленных компаний, чем на поддержку аборигенных сообществ, позиция «получить по крайней мере что-то» оборачивается необходимостью давать положительные заключения.

Исходя из описанной позиции, направленной скорее на обеспечение сообществам КМНС справедливых компенсаций, т.е. на экономические цели, чем на сохранение образа жизни («этнокультурные» цели), наличие/отсутствие диалога, учет мнения людей, проживающих в зоне освоения, уходят на второй план. Для определения размеров компенсации не нужно вести диалог и знать о тревогах и заботах контрагентов – достаточно фиксировать показатели, которые требуются для расчетов. Соответственно, часть, посвященная в заключении рекомендациям, выглядит до некоторой степени не связанной с остальным текстом.

Еще одно замечание, касающееся (косвенно) отсутствия направленности на диалог, связано с закрытостью информации, недоступностью заключений экспертных групп и с недоступностью текстов ОВЭС. Наличие того и другого в открытом доступе, вероятно, позволило бы будущим исполнителям быть более подготовленными при работе над собственными отчетами.

Заседание Экспертной комиссии этнологической экспертизы

Подготовленное экспертной группой заключение рассматривается членами Экспертной комиссии (ЭК). Далее будет кратко описан ход заседания экспертной комиссии этнологической экспертизы – я приведу частично обработанные записи полевого дневника (меня попросили не вести диктофонную запись), а затем прокомментирую их.

Заседание разворачивалось следующим образом. Руководитель экспертной группы представил заключение ЭГ – кратко пересказал содержание поданных на оценку материалов, комментарии экспертной группы и выводы о том, что несмотря на некоторые недочеты, которые предлагается исправить в ходе этнологического мониторинга реализации проекта, группа рекомендует принять положительное заключение.

Далее последовало выступление главы муниципального образования, в котором был высказан ряд критических замечаний по поводу

текста ОВЭС (в частности, о заниженной оценке ущерба), а также приведено пожелание провести общественные слушания для обсуждения ОВЭС, прежде чем будет вынесено решение комиссии: «...*другая компания*... весной проводила общественные слушания по ОВЭС по... *проекту*...». Дальнейшее обсуждение развернулось следующим образом.

Председатель комиссии спросил, действительно ли глава МО предлагает изменить порядок проведения ЭЭ. Глава ответил, что хотелось бы провести слушания, поскольку в тексте ОВЭС множество ошибок, «хотя мы и не можем обязывать, конечно». Руководитель ЭГ уточнил: чтобы провести общественные слушания, надо менять закон об ЭЭ. К этому председатель комиссии добавил, что если слушания провести в нынешней ситуации, и при этом на слушаниях будут не согласные с результатами ОВЭС, а комиссия будет согласна, получится коллизия. С другой стороны, продолжил руководитель ЭГ, хотя ущерб действительно занижен (в тексте, подготовленном ЭГ, все высказанные главой замечания учтены), он посчитан в соответствии с Методикой, и до тех пор, пока не принята более адекватная региональная методика расчета убытков, бессмысленно предъявлять претензии к исполнителю ОВЭС.

Затем последовал комментарий от одного из членов ЭК о том, что он считает текст ОВЭС очень некорректным (предоставил для протокола 4 листа замечаний) и опасается, что если по данному тексту будет принято положительное заключение, то следует и в будущем ожидать новых и новых некорректных текстов. В дополнение к этому прозвучал и комментарий главы МО о том, что «...*компания*... – это НАШЕ предприятие, мы должны пример показать другим недропользователям».

Комментарий представителя компании заключался в том, что показатели ущерба, может быть, и занижены («про Методику я молчу»), но при этом совокупный ущерб посчитан по всей территории участка, в то время как реально компания намерена задействовать только 25–30% территории. Кроме того, компания готова платить столько, сколько надо («если надо в два раза больше – мы готовы»), единственное требование – четко прописать в законе, чтобы это было ясно установлено.

В итоге было решено оформить поступившие замечания приложением к протоколу и поручить компании доработать ОВЭС, а также пригласить на следующее заседание исполнителя ОВЭС. Решение было принято комиссией единогласно (ПМА 2016: заседание комиссии).

На данном заседании меня удивил перевод заданного главой муниципального образования довольно практического вопроса об обсуждении результатов ОВЭС на общественных слушаниях, с одной стороны, в административно-правовую плоскость соотношения статуса решения слушаний со статусом решения ЭК и возможная коллизия несовпадения данных решений как повод снять предложенный вопрос с обсуждения; с другой стороны, перевод на язык различных для управляющего

корпорацией конкретных цифр, при этом вопрос об обсуждении на слушаниях, как и все другие вопросы, откладывающие принятие положительного заключения, воспринимаются, по-видимому, как ходы в торгах, которые компания со своей стороны должна уравнивать поднятием ставок денежных компенсаций. Оба ответа закрывают возможность для выстраивания диалога, подменяя его более формализованными и простыми взаимодействиями.

Итогом работы Экспертной комиссии является Заключение этнологической экспертизы. Текст заключения ЭЭ тесно связан с текстом заключения экспертной группы. По сути, это сокращенная версия последнего. Соответственно, прежде всего устанавливается соответствие поданных материалов принятому законодательству. Затем дается пересказ содержания материалов, включая цифры предполагаемых компенсаций. Фразой «По итогам экспертизы материалов...» вводится блок про выводы и дается положительное заключение. В конце следует блок с рекомендациями.

При сравнении заключений различных экспертиз интересно, что рекомендации в каждом случае устойчиво повторяются, и сводятся в итоге к тому, чтобы компания а) заключила соглашение с муниципальным образованием; б) разработала программу содействия устойчивому развитию КМНС (устойчивый набор предлагаемых для программы мероприятий: финансирование образовательных программ по смене профессиональной ориентации; содействие проведению мероприятий этнокультурной направленности; стимулирование обучения для КМНС с последующим трудоустройством на объектах предприятия); в) приняла программу этнологического мониторинга. Такая повторяемость заключений может быть связана с упомянутой вторичностью этнокультурной части экспертизы относительно экономической (и, соответственно, рекомендаций относительно компенсаций) и с тенденцией к формализации и упрощению процедуры.

Выводы

В данной статье для анализа процедуры этнологической экспертизы я предложил использовать концептуальную рамку, ставящую условием возможности диалога и партнерских отношений приложение сторонами усилий воображения. Основываясь на полевом исследовании, я могу утверждать, что в нынешней конфигурации процедура ЭЭ, несмотря на связанные с ней ожидания, не создает условий для того, чтобы компании выполняли работу воображения по отношению к локальным группам КМНС.

Работа воображения – очень этнографическое понятие. Я имею в виду, что это процесс, который всегда должен совершаться конкретны-

ми лицами в условиях некоторой повседневности – в этом смысле его наличие или отсутствие удобно фиксировать этнографически. Процедура ЭЭ как нечто целое не существует в повседневности – она складывается из действий множества людей, которые происходят в различных обстоятельствах в различное время. Рассмотрев этнографически складывающие процедуру экспертизы этапы (насколько это было возможно, учитывая ограничения, налагаемые характером и количеством собранных материалов⁸), я не могу указать какой-либо из них, на котором принимающий решения сотрудник компании прикладывал бы усилия, чтобы вообразить, что значит быть членом локальной группы КМНС, и как, исходя из этого, лучше строить взаимодействие.

Это связано с несколькими факторами. Во-первых, с бюрократической природой как процедуры, так и компании, проявляющейся в том, что участники с любой стороны в первую очередь заинтересованы в демонстрации выполнения регламентирующих процессы взаимодействия правил (ср. по этапам: составленное ТЗ следует требованиям НПА; исполнители ОВЭС следуют ТЗ, чтобы их труд был оплачен; итоговый отчет, заключения всех этапов всегда прежде всего перечисляют учтенные НПА). Во-вторых, со сложившейся культурой отчетов и вообще с пониманием того, что в контексте подобных процедур является убедительным, когда даже при наличии данных, собранных качественными методами (более значимыми с точки зрения работы воображения), предпочтение отдается в первую очередь фиксации действительности в «объективно проверяемых» числовых показателях, статистических закономерностях и т.п. (ср. требования к исполнителям ОВЭС, выраженные в ТЗ; отсутствие методологических комментариев в статьях исследователей ОВЭС и доступном отчете ОВЭС; ориентированность экспертов на расчет компенсации и сравнительно стандартная рекомендательная часть). В-третьих, с распространенным приемом перевода всего дискурса о ресурсном конфликте в плоскость денежного расчета и оценки компенсаций (ср. разбор заседания экспертной комиссии; доступные комментарии представителей компании по поводу отчетов исполнителей ОВЭС).

Все факторы, очевидно, взаимосвязаны: опора на правила взаимодействия, числовые показатели на входе, денежные компенсации на выходе, все вместе они делают взаимодействие максимально экономным в том смысле, что его реализация требует понятных и минимальных усилий. Но последний фактор особенно интересен в аналитическом плане. Кажется, что он довольно естествен – нам привычно представлять деятельность компаний (предполагая, что и их сотрудники так мыслят) в терминах денежного расчета (доходы, расходы, проценты, компенсации и т.п.). С другой стороны, денежный расчет, позволяющий и одновременно вынуждающий оперировать точными цифрами в

исчислении задолженности (в нашем случае – компенсации) является антиподом работы воображения. Возможность рассчитать и выплатить точную стоимость причиненного ущерба означает возможность по окончании выплат или даже по окончании расчетов больше не принимать во внимание ничего, что происходит с контрагентом далее. В этом смысле денежный расчет конституирует не отношения между членами одного сообщества (в добрососедских отношениях зачастую не принято рассчитывать точно – всегда или чуть больше, или чуть меньше – так создается сеть связывающих сообщество «долгов»), а отношения между чужими друг другу агентами, не желающими поддерживать скольконибудь длительные социальные связи⁹. Но именно поддержание социальных связей требует работы воображения и является синонимом партнерства или диалога. Отказ от неё буквально означает отказ от того, чтобы составлять единое сообщество. Другими словами, процедура этнологической экспертизы в имеющихся культурных, дискурсивных и экономических условиях структурно противоречит возможности диалога между группами КМНС и промышленными компаниями.

В последнем абзаце я намеренно максимально заострил предложенный в статье аргумент – исключительно в аналитических и академических целях возбуждения критической дискуссии. В повседневности такие острые углы отсутствуют: представители компаний и локальных групп КМНС всё же сосуществуют, договариваются, экспертизы происходят, рекомендации исполняются, компенсации выплачиваются. Моя статья в этом смысле не носит алармистский характер, я не призываю отменять процедуру этнологической экспертизы в РС(Я) или как-либо существенно её менять (во всяком случае, я не знаю, как именно это можно было бы сделать). Но мне кажется важным всё же учитывать те структурные ограничения и барьеры для диалога и партнёрских отношений, которые рассматриваются в статье, по крайней мере, если диалог и партнёрство действительно являются искомым способом взаимодействия между группами КМНС и промышленными компаниями.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (РНФ, грант № 15-18-00112).

Автор выражает благодарность и глубокую признательность всем, без кого данное исследование было бы невозможным, в особенности Д.А. Функу, Н.А. Стручковой, А.Н. Слепцову, Е.Н. Романовой, В.И. Шадрину, а также А.И. и К.М. Яковлевым.

Список сокращений

КМНС – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ
МО – муниципальное образование
НПА – нормативно-правовой акт
ОВЭС – оценка воздействия на этнологическую среду
ПМА – полевые материалы автора
РС(Я) – Республика Саха (Якутия)
ТЗ – техническое задание
ЭГ – экспертная группа
ЭК – экспертная комиссия
ЭЭ – этнологическая экспертиза

Примечания

¹ В Российской Федерации существуют различные варианты проведения этнологической экспертизы (см.: Богоявленский и др. 2002; Мурашко 2006; Звиденная, Новикова 2010; Мартынова, Новикова 2012; Садовой 2013; Головнёв и др. 2014; Поддубиков, Садовой, Белозёрова 2014; ср. также Функ 2015), но в данной статье термин «этнологическая экспертиза» отсылает к государственной этнологической экспертизе, как она проводится в РС(Я).

² Термин «структурное насилие», насколько можно судить, первоначально предложил Йохан Галтунг (Galtung 1969), после чего он много обсуждался (ср.: Diltz et al. 2012), однако, в работе Гребера и в данной статье термин используется несколько иначе – в качестве обозначения ситуаций, происходящих в условиях угрозы применения насилия.

³ О правовом и социальном состоянии различных групп КМНС в РС(Я), отдельных проблемах их взаимоотношений с промышленными компаниями см.: (Астахова 2011; Шадрин 2015; Романова, Алексеева 2015-а; Алексеева 2015; Потравный и др. 2016; Мостахова 2016).

⁴ На момент написания статьи опыт проведения такого мониторинга в РС(Я), а также какая-либо разъясняющая документация по способам его проведения отсутствуют.

⁵ Краткая информация о большинстве экспертиз доступна на сайте профильного министерства РС(Я) [<https://minobchestvo.sakha.gov.ru/-ekspertnaja-komissija-etnologicheskoy-ekspertizy/svedeniya-o-provedennyh-etnologicheskikh-ekspertizah>, дата обращения: 19.03.2018].

⁶ Для корректного расчета ущерба необходимо точно определять, какие именно территории закреплены за общинами коренных малочисленных народов, иначе отсутствуют правовые основания для получения соответствующих компенсаций. При попытке определения точных границ обнаруживаются разнообразные трудности с оформлением общинами документов по ведению хозяйственной деятельности, бухгалтерской отчетности, с государственной регистрацией недвижимости (Власов 2013; Слепцов 2015: 23; Баишева 2014-а: 93; 2016: 584). Другой проблемой является закрепление участков и документы об этом закреплении (Шадрин 2015). Проблема заключается в том, что стоимость проведения кадастровых работ, уточнения границ общины составляет 200–300 тысяч рублей (Баишева 2014-а: 93), это составляет большую часть годового дохода общины, ведущей традиционный образ жизни (Сосин 2015: 72), т.е. экономически невозможно.

⁷ Текст и материалы ОВЭС по одной из экспертиз можно найти на сайте предыдущего уполномоченного органа по ЭЭ, см. «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов» [<http://old.sakha.gov.ru/node/119623>, обращение 28.02.2018].

⁸ Следует учитывать недостаточность проведенных полевых исследований для всесторонней разработки заявленной темы. Так, следует гораздо внимательнее отнестись как к исследованию позиций и действий, занимаемых и предпринимаемых сотрудниками

промышленных компаний в рамках проведения этнологической экспертизы, так и непосредственным обстоятельствам повседневных действий сообществ КМНС, проживающих на территориях интенсивного промышленного освоения. Безусловно, необходимо проведение дальнейших исследований.

⁹ См. подробнее о денежном расчете, долге и социальных связях (Гребер 2015).

Литература

- Dilts A., Winter Y., Biebricher T., Johnson E.V., Vázquez-Arroyo A.Y. & Cocks J.* Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence // *New Political Science*. 2012. № 34 (2). P. e191–e227. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2012.714959> (дата обращения: 24.02.2017).
- Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. № 6(3). P. 167–191. URL: <http://www.jstor.org/stable/422690> (дата обращения: 24.02.2017).
- Graeber D.* The utopia of rules: on technology, stupidity, and secret joys of bureaucracy. New York; London: Melville House Publishing, 2015. 262 p.
- Gupta A.* Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 368 p.
- Административный регламент предоставления Департаментом по делам народов Республики Саха (Якутия) государственной услуги «Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов»:* Приложение к приказу Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия) от «18» июля 2012 г. № 67-од.
- Алексеева Е.К.* Компании-недропользователи и коренные народы Арктики // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2015. С. 222–224.
- Астахова И.С.* Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия) // *Арктика и Север*. 2011. № 3. С. 1–8.
- Баишева С.М.* Малочисленные этносы в местах традиционного природопользования: возможности и ограничения (из опыта этнологической экспертизы) // *Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.)*. Кемерово: Практика, 2014. С. 91–100.
- Баишева С.М.* Взаимодействие бизнеса и коренных малочисленных народов Якутии: социальный контекст и жизненные реалии // *Business Economics*. 2016. Issue 4 (2), vol. 51. P. 580–584.
- Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А.* Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002. 134 с.
- Бурцева Е.И., Набережная А.Т., Бараишков Н.А., Павлова А.Н., Ноговицын Р.Р.* Новый этап промышленного развития Южной Якутии и проблемы социальной защищенности малочисленных народов Севера // *Стратегия развития рынка*. 2012. № 20 (161). С. 13–23.
- Бурцева Е.И.* Проблемы социальной защищенности коренных малочисленных народов Севера и промышленное освоение Республики Саха (Якутия) // *Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. С. 186–189.

- Величенко В.В. К методике оценки воздействия на охотничьи ресурсы территорий коренных малочисленных народов Севера // Вестник Северо-восточного федерального университета имени м. К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2016. № 4 (04). С. 19–24.
- Власов А.В. Доклад в Общественной палате Российской Федерации на конференции «Промышленные компании и коренные народы». 2013. URL: <http://old.sakha.gov.ru/special/node/131297> (дата обращения: 24.02.2017).
- Гассий В.В., Потравная Е.В., Кузнецов И.В., Захаров С.А. Согласование интересов целевых групп в сфере недропользования: социально-экономические, экологические и этнографические аспекты // Недропользование XXI век. 2016. № 2 (59). С. 90–97.
- Головнёв А.В., Лёзова С.В., Абрамов И.В., Белоруссова С.Ю., Бабенкова Н.А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2014. 232 с.
- Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.
- Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год. М., 2016. URL: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf>
- Звиденная О.О., Новикова Н.И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД Стратегия; ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012. 132 с.
- Миськова Е.В. Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 83–107. DOI: 10.17223/2312461X/14/5
- Мостахова Т.С. Социально-демографические аспекты освоения арктических районов: проблемы воспроизводства населения, промышленное освоение и локализация этносов КМНС // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Апатиты, 14–16 апреля 2016 г.). 2016. С. 337–344.
- Мурашко О.А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Прил. к альманаху «Мир коренных народов – Живая Арктика». М., 2006. 114 с.
- Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 125–135. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-1-125-135.
- О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015).
- О порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов (вместе с «Положением о порядке организации и проведения этнологической экспертизы», «Положением об Экспертной комиссии этнологической экспертизы»): постановление Правительства РС(Я) от 06.09.2011 N 428. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
- Об утверждении методики исчисления размера убытков, причиненных объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: Приказ Минрегиона РФ от 09.12.2009 N 565.
- Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики

- Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 820-3 N 537-IV (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 14.04.2010 3 N 538-IV). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2017).
- Отчет* № 13/2013 по теме: Оценка воздействия на этнологическую среду объекта «Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 - НПС-16» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера Якутии ПСХК КРО «Киндигирь» МО «Олекминский район», КРО МНС-Э «Сэргэлээх», община «Амга» МО «Алданский район». Раменское; Якутск, 2013. 75 с.
- Парламентские слушания* – Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Федеральное Собрание Российской Федерации. Парламентские слушания. 25 октяб. 2007 г. М.: Изд-во Совета Федерации, 2008. 108 с. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f2438657bd5f0bd.pdf>
- Пахомов А.А., Мостахова Т.С.* Этносоциальные проблемы территорий Якутии в зоне строительства газопровода «Сила Сибири» // Регион: экономика и социология. 2016. № 3 (91). С. 133–142.
- Пахомов А.А., Чомчоев А.И.* Этносоциальные проблемы арктических территорий в зоне промышленного освоения на примере Анабарского национального (долганово-эвенкийского) и Оленекского национального эвенкийского районов Республики Саха (Якутия) // *Sciences of Europe*. 2017. № 12. С. 38–42.
- Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В.* Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 358 с.
- Потравный И.М., Баглаева В.О.* Об интеграции задач экологического аудита и этнологической экспертизы при обосновании проектов хозяйственного освоения территории // *Горизонты экономики*. 2015. № 5 (24). С. 44–47.
- Потравный И.М., Гассий В.В., Черноградский В.Н., Постников А.В.* Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера // *Арктика: экология и экономика*. 2016. № 2(22). С. 56–63.
- Потравный И.М., Гассий В.В., Тамбовцева Т.Т.* Этнологическая экспертиза как инструмент согласования интересов целевых групп в сфере традиционного природопользования // *Экономика природопользования*. 2016. № 3. С. 80–92.
- Романова Е.Н., Алексеева Е.К.* Экономические мегапроекты России: взаимодействие добывающих промышленных и коренных малочисленных народов Севера компаний (на примере Южной Якутии) // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2015а. № 5. С. 84–88.
- Романова Е.Н., Алексеева Е.К.* Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) // *Казанская наука*. № 11. Казань: Казанский Издательский Дом, 2015б. С. 361–364.
- Садовой А.Н.* Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // *Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Сборник статей по итогам межрегион. науч.-практ. семинара* (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово: Практика, 2013. С. 67–82.
- Слепцов А.Н.* О правовых аспектах взаимодействия промышленных компаний и народов Севера при промышленном освоении территорий традиционного природопользования // *Правовые и социальноэкономические проблемы развития народов Арктики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 2011 г.)*. Якутск, 2012. Вып. 9. С. 24–31.
- Слепцов А.Н.* Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов севера: региональный опыт правового

- го регулирования и правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12 (67). С. 71–75.
- Слепцов А.Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 15–24.
- Слепцов А.Н., Гоголев П.В. Методические рекомендации по проведению этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. 48 с.
- Сосин П.В. Южная Якутия: социальная адаптация и этноэкологические проблемы коренных малочисленных народов Севера // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 69–74.
- Функ Д.А. (ред.) Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина. М.: Демос, 2015. 272 с.
- Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза как инструмент защиты коренных малочисленных народов Севера: опыт, проблемы, перспективы (На примере Республики Саха (Якутия) // Арктическая зона Российской Федерации: Северо-Восточный вектор развития: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства. 28–30 ноября, г. Санкт-Петербург. СПб., 2013. Ч. II. С. 406–413.
- Шадрин В.И. Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 331–337.
- Шадрин В.И. При принятии решений в сфере недропользования необходим учёт интересов коренных малочисленных народов Севера. 2015. URL: <http://iltumen.ru/content/vyacheslav-shadrin-%C2%ABpri-prinyatii-reshenii-v-sfere-nedropolzovaniya-neobkhodim-uchet-interes> (дата обращения: 12.03.2017).

Статья поступила в редакцию 5 февраля 2018 г.

Basov Aleksandr S.

DIALOGUE AND BUREAUCRATIC PROCEDURES: “ETNOLOGICHESKAYA EKSPERTIZA” (ETHNOLOGICAL IMPACT ASSESSMENT) IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

DOI: 10.17223/2312461X/20/6

Abstract. State ethnological impact assessment (so-called “etnologicheskaya ekspertiza”) in the Republic of Sakha (Yakutia) is a legal procedure implemented in the region and aimed at regulating tense relations between industrial actors and indigenous peoples over natural resources. Such tensions seem to exist for as long as the “industrial” development and use of territories do not take into account “indigenous” interests which ethnological impact assessment is called on to defend. Furthermore, assessment procedures are expected to become a medium that would ensure dialogue and partnership between industrial companies and indigenous peoples. However, these procedures are very much bureaucratic in nature and are organised by specific bureaucratic means; thus they can be analysed through the concept of structural violence. In the article I argue that state ethnological impact assessment as a bureaucratic procedure is structurally incompatible with the conditions needed for the sought-after dialogue and partnership.

Keywords: ethnological impact assessment, indigenous peoples of the North, structural violence, work of imagination, bureaucracy

References

- Dilts, A., Winter, Y., Biebricher, T., Johnson, E.V., Vázquez-Arroyo, A.Y. & Cocks J. Revisiting Johan Galtung's Concept of Structural Violence. *New Political Science*, 2012, no. 34 (2), pp. e191-e227. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/07393148.2012.714959> (Accessed 24 February 2017).
- Galtung, J. Violence, Peace, and Peace Research. *Journal of Peace Research*, 1969, no. 6(3), pp. 167-191. Available at: <http://www.jstor.org/stable/422690> (Accessed 24 February 2017).
- Graeber, D. *The utopia of rules: on technology, stupidity, and secret joys of bureaucracy*. New York, London: Melville House Publishing, 2015. 262 p.
- Gupta, A. *Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India*. Durham, NC: Duke University Press, 2012. 368 p.
- Administrativnyi reglament predstavleniia Departamentom po delam narodov Respubliki Sakha (Iakutiia) gosudarstvennoi uslugi «Etnologicheskaiia ekspertiza v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov»: Prilozhenie k prikazu Departamenta po delam narodov Respubliki Sakha (Iakutiia) ot «18» iuliia 2012 g. № 67-od. [The administrative regulation on the Department on the Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) rendering state services in the category "Ethnological impact assessment in places of traditional residence and economic activity of small-numbered indigenous peoples": Supplement to the Order of the Department on the Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 67-od dated 18 July 2012]
- Alekseeva E.K. Kompanii-nedropol'zovateli i korennye narody Arktiki [Mining companies and indigenous peoples of the Arctic], *Nauchnoe i obrazovatel'noe prostranstvo: perspektivy razvitiia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The scientific and educational area: prospects for development. Proceedings of International research and practice-oriented conference]. Cheboksary, 2015, pp. 222-224.
- Astakhova I.S. Vlast' i korennye malochislennye narody Severa: opyt vzaimodeistviia na primere Respubliki Sakha (Iakutiia) [The authorities and the indigenous population of the North: interaction record through the example of the Republic of Sakha (Yakutia)], *Arktika i Sever*, 2011, no. 3, pp. 1-8.
- Baisheva S.M. Malochislennye etnosy v mestakh traditsionnogo prirodogopol'zovaniia: vozmozhnosti i ogranicheniia (iz opyta etnologicheskoi ekspertizy) [Small-numbered peoples in places of traditional use of natural resources: opportunities and limitations (based on ethnological impact assessment record)], *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovani i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki. Sbornik nauchnykh statei po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kemerovo, 17-18 okt. 2014 g.)* [Small-numbered peoples in the dominant society: applied research and effective tools in ethnic politics: a collection of scientific articles following the All-Russian research and practice-oriented conference with international participation held in the city of Kemerovo on 17-18 October 2014]. Kemerovo: Praktika, 2014, pp. 91-100.
- Baisheva S.M. Vzaimodeistvie biznesa i korennykh malochislennykh narodov Iakutii: sotsial'nyi kontekst i zhiznennye realii [The interaction of business and small-numbered indigenous peoples of Yakutia: the social context and realities of life], *Business Economics*, 2016, Issue 4 (2), October, Volume 51, pp. 580-584.
- Bogoiavlenskii D.D., Martynova E.P., Murashko O.A., Khmeleva E.N., Iakel' Iu.Ia., Iakovleva O.A. *Opyt provedeniia etnologicheskoi ekspertizy. Otsenka potentsial'nogo vozdeistviia programmy OAO «Gazprom» poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriakh Obskoi i Tazovskoi gub na komponenty ustoichivogo razvitiia etnicheskikh grupp korennykh malochislennykh narodov Severa* [Conducting ethnological impact assessment. Assessing a potential impact caused by the Gazprom natural resources exploration programme implemented in the water area of the rivers of Ob and Taz and identifying the elements of sustainable indigenous development]. Moscow, 2002. 134 p.

- Burtseva E.I., Naberezhnaia A.T., Barashkov N.A., Pavlova A.N., Nogovitsyn R.R. Novyi etap promyshlennogo razvitiia Iuzhnoi Iakutii i problemy sotsial'noi zashchishchennosti malochislennykh narodov Severa [A new phase of industrial development of Southern Yakutia and the problems of social protection of small-numbered peoples of the North], *Strategiia razvitiia rynka*, 2012, no. 20 (161), pp. 13-23.
- Burtseva E.I. Problemy sotsial'noi zashchishchennosti korennykh malochislennykh narodov Severa i promyshlennoe osvoenie Respubliki Sakha (Iakutiia) [Problems of social protection of small-numbered peoples of the North and industrial development of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Resursnaia ekonomika v kontekste sovremennykh tendentsii globalizatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchemykh* [The resource economy in the context of globalisation: Proceedings of All-Russian research and practice-oriented conference for students and young scholars]. Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2015, pp. 186-189.
- Velichenko V.V. K metodike otsenki vozdeistviia na okhotnich'i resursy territorii korennykh malochislennykh narodov Severa [The methodology of ethnological impact evaluation in relation to indigenous peoples of the North], *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta imeni m. K. Ammosova. Seriia «Ekonomika. Sotsiologiia. Kul'turologiia»*, 2016, no. 4, pp. 19-24.
- Vlasov A.V. *Doklad v Obshchestvennoi palate Rossiiskoi Federatsii na konferentsii «Promyshlennye kompanii i korennye narody»* [Report delivered at the Public Chamber of the Russian Federation at the conference titled "Industrial Companies and Indigenous Peoples"]. 2013. Available at: <http://old.sakha.gov.ru/special/node/131297> (Accessed 24 February 2017).
- Gassii V.V., Potravnaia E.V., Kuznetsov I.V., Zakharov S.A. Soglasovanie interesov tselevykh grupp v sfere nedropol'zovaniia: sotsial'no-ekonomicheskie, ekologicheskie i etnograficheskie aspekty [Harmonisation of target groups interests in the field of subsoil resources use: socio-economic, environmental and ethnographic aspects], *Nedropol'zovanie XXI vek*, 2016, no. 2 (59), pp. 90-97.
- Golovnev A.V., Lezova S.V., Abramov I.V., Belorussova S.Iu., Babenkova N.A. *Etnoekspertiza na Iamale: nenetskie kochev'ia i gazovye mestorozhdeniia* [Ethnological impact assessment in Yamal: Nenets pastures and gas fields]. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo AMB», 2014. 232 p.
- Graeber D. *Dolg: pervye 5000 let istorii*. Per. s angl. A. Dunaeva [Debt: the first 5,000 years]. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 528 p.
- Graeber D. *Utopiia pravil: o tekhnologiiakh, gluposti i tainom obaianii biurokratii* [The utopia of rules: on technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 224 p.
- Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2015 god* [The 2015 report of Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation]. Moscow, 2016. Available at: <http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/d2015w.pdf> (Accessed 24 February 2017).
- Zvidennaia O.O., Novikova N.I. *Udegeitsy: okhotniki i sobirатели reki Bikin (Etnologicheskaiia ekspertiza 2010 goda)* [The Udege: hunters and gatherers on the Bikin River (ethnological impact assessment done in 2010)]. Moscow: ID Strategiia; IP Andrei Iakovlev, 2010. 154 p.
- Martynova E.P., Novikova N.I. *Tazovskie nentsy v usloviakh neftegazovogo osvoeniia: Etnologicheskaiia ekspertiza 2011 goda* [The Taz Nenets under the conditions of industrial development: ethnological impact assessment done in 2011]. Moscow: IP A.G. Iakovlev, 2012. 132 p.
- Mis'kova E.V. *Leviafan: diskursivnaia zavisimost' ot nefti. Ot resursa k metonimii i obratno* [Leviathan: the discursive dependence on oil. From resource to metonymy and back], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 83-107. DOI: 10.17223/2312461X/14/5

- Mostakhova T.S. Sotsial'no-demograficheskie aspekty osvoeniia arkticheskikh raionov: problemy vosproizvodstva naseleniia, promyshlennoe osvoenie i lokalizatsiia etnosov KMNS [Social and demographic aspects of developing Arctic territories: issues in population reproduction, industrial development, and locating small-numbered indigenous peoples of the North], *Sever i Arktika v novoi paradigme mirovogo razvitiia. Luzinskie chteniia: Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Apatity, 14-16 apreliia 2016 g.)* [The North and the Arctic in a new paradigm of global development. The Luzin Readings: Proceedings of the VIII International research and practice-oriented conference (Apatity, 14-16 April 2016)]. 2016, pp. 337-344.
- Murashko O.A. *Etnologicheskaiia ekspertiza v Rossii i mezhdunarodnye standarty otsenki vozdeistviia proektov na korennye narody* [Ethnological impact assessment in Russia and international standards of assessing project impact on indigenous population]. Pril. k al'manakhu «Mir korennykh narodov - Zhivaia Arktika». Moscow, 2006. 114 p.
- Novikova N.I. Etnologicheskaiia ekspertiza v akademicheskoi diskursie i ozhidaniakh korennykh narodov [Ethnological impact assessment in academic discourse and indigenous peoples' expectations], *Arktika: ekologiia i ekonomika*, 2017, no. 4 (28), pp. 125-135. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-1-125-135.
- O *garantiakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 30.04.1999 N 82-FZ (red. ot 13.07.2015)* [On Guarantees of the Rights of Small-Numbered Indigenous Peoples of the Russian Federation: a federal law No. 82-FZ dated 30.04.1999].
- O *poriadke organizatsii i provedeniia etnologicheskoi ekspertizy v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov (vmeste s «Polozheniem o poriadke organizatsii i provedeniia etnologicheskoi ekspertizy», «Polozheniem ob Ekspertnoi komissii etnologicheskoi ekspertizy»): postanovlenie Pravitel'stva RS(la) ot 06.09.2011 N 428. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlius»* [On the Order of Organizing and Conducting Ethnological Impact Assessment in Places of Traditional Residence and Economic Activity of Small-Numbered Indigenous Peoples (along with "Regulation on the Order of Organizing and Conducting Ethnological Impact Assessment" and "Regulation on Expert Commission on Ethnological Impact Assessment"): The Republic of Sakha (Yakutia) Government Decree No. 428 dated 06.09.2011. Accessed through the legal information and reference system "ConsultantPlus"] (Accessed 5 June 2017).
- Ob *utverzhdenii metodiki ischisleniia razmera ubytkov, prichinennykh ob"edineniiam korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii v rezul'tate khoziaistvennoi i inoi deiatel'nosti organizatsii vseh form sobstvennosti i fizicheskikh lits v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii: Prikaz Minregiona RF ot 09.12.2009 N 565* [On Adopting Methods of Calculating Damages Incurred by Associations of the Small-Numbered Indigenous Population of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation as a Result of Economic and Other Activities of Legal Entities and Individuals in Places of Traditional Residence and Economic Activity of Small-Numbered Indigenous Peoples of the Russian federation: the Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation No. 565 dated 09.12.2009].
- Ob *etnologicheskoi ekspertize v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh narodov Severa Respubliki Sakha (Iakutiia): zakon Respubliki Sakha (Iakutiia) ot 14.04.2010 820-Z N 537-IV (priniat postanovleniem GS (II Tumen) RS(la) ot 14.04.2010 Z N 538-IV). Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlius»* [On Ethnological Impact Assessment in Places of Traditional Residence and Economic Activity of Small-Numbered Indigenous Peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia): the Republic of Sakha (Yakutia) law No. 820-Z N 537-IV, adopted by GS (II Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) No. Z N 538-IV dated 14.04.2010] (Accessed 5 June 2017).

- Otchet № 13/2013 po teme: Otsenka vozdeistviia na etnologicheskuiu sredu ob"ekta «Stroitel'stvo dvukh odnotsepykh LEP kV NPS-15 - NPS-16» v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti korenykh malochislennykh narodov severa Iakutii PSKhK KRO «Kindigir» MO «Olekminskii raion», KRO MNS-E «Sergeleekh», obshchina «Amga» MO «Aldanskii raion» [Report No. 13/2013 titled "Assessing the ethnological impact of the project titled "The Construction of two single-circuit power lines kV NPS-15 - NPS-16" in places of traditional residence and economic activity of small-numbered indigenous peoples of the North in Yakutia PSKhK KRO "Kindigir" MO "Olekminskii raion", KRO MNS-E "Sergeleekh", and the community of "Amga" MO "Aldanskii raion"]. Ramenskoe - Iakutsk, 2013. 75 s.
- Parlamentskie slushaniia - Pravovoe obespechenie etnologicheskoi ekspertizy kak obiazatel'nogo usloviia pri osvoenii severnykh territorii. Federal'noe Sobranie Rossiiskoi Federatsii. Parlamentskie slushaniia. 25 oktiab. 2007 g. [Parliamentary Hearings on legal support of ethnological impact assessment as a mandatory condition to be met prior to starting the exploration of northern territories. The Russian Federation Federal Assembly. Parliamentary Hearings held on 25 October 2007]. Moscow: Izd-vo Soveta Federatsii, 2008. 108 p. Available at: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f2438657bd5f0bd.pdf>
- Pakhomov A.A., Mostakhova T.S. Etnosotsial'nye problemy territorii Iakutii v zone stroitel'stva gazoprovoda «Sila Sibiri» [Ethnic and social problems of Yakut territories in the construction zone of the "Power of Siberia" pipeline], *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2016, no. 3 (91), pp. 133-142.
- Pakhomov A.A., Chomchoev A.I. Etnosotsial'nye problemy arkticheskikh territorii v zone promyshlennogo osvoeniia na primere Anabarskogo natsional'nogo (dolganoevenkiiskogo) i Olenekskogo natsional'nogo evenkiiskogo raionov Respubliki Sakha (Iakutiia) [Ethno-social problems of Arctic territories in industrial development zones: the case of Anabarsky National (Dolgan-Evenk) and Oleneksky National Evenk Districts in the Republic of Sakha (Yakutia)], *Sciences of Europe*, 2017, no. 12, pp. 38-42.
- Poddubikov V.V., Sadovoi A.N., Belozerova M.V. *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopol'zovaniia korenykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoi etnologii* [Impact assessment and monitoring of traditional forms of natural resources use practiced by small-numbered indigenous peoples: methods of applied ethnology]. Kemerovo: OOO «Praktika», 2014. 358 p.
- Potravny I.M., Baglaeva V.O. Ob integratsii zadach ekologicheskogo audita i etnologicheskoi ekspertizy pri obosnovanii proektov khoziaistvennogo osvoeniia territorii [On integrating the objectives of environmental audit and ethnological impact assessment when justifying projects of economic development of territories], *Gorizonty ekonomiki*, 2015, no. 5 (24), pp. 44-47.
- Potravny I.M., Gassiy V.V., Chernogradsky V.N., Postnikov A.V. Sotsial'naia otvetstvennost' kompanii-nedropol'zovatelei na territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia kak osnova partnerstva vlasti, biznesa i korenykh malochislennykh narodov Severa [Social responsibility of mining companies in the territory of traditional nature management as a basis for partnership between the government, business, and indigenous peoples of the North], *Ark-tika: ekologiya i ekonomika*, 2016, no. 2 (22), pp. 56-63.
- Potravny I.M., Gassiy V.V., Tambovtseva T.T. Etnologicheskaya ekspertiza kak instrument soglasovaniia interesov tselevykh grupp v sfere traditsionnogo prirodopol'zovaniia [Ethnological examination as a tool for coordinating target groups interest in the field of traditional use of natural resources], *Ekonomika prirodopol'zovaniia*, 2016, no. 3, pp. 80-92.
- Romanova E.N., Alekseeva E.K. Ekonomicheskie megaproekty Rossii: vzaimodeistvie dobyvaushchikh promyshlennykh i korenykh malochislennykh narodov severa kompanii (na primere Iuzhnoi Iakutii) [Russian economic megaprojects: the interaction between extractive industries and indigenous peoples of the North (the case of South Yakutia)], *European Social Science Journal*, 2015a, no. 5, pp. 84-88.

- Romanova E.N., Alekseeva E.K. Dobyvaiushchie kompanii na zemle olenevodov (etnoekspertiza na severo-zapade Iakutii) [Extractive companies on the land of reindeer breeders (ethnological impact assessment in the northwest of Yakutia)], *Kazanskaia nauka*, 2015b, no. 11, pp. 361-364.
- Sadovoi A.N. Etnologicheskaya ekspertiza v sisteme regional'nogo etnologicheskogo monitoringa [Ethnological impact assessment in the system of regional ethnological monitoring], *Prikladnaia etnologia i aktual'nye problemy gosudarstvennoi etnonatsional'noi politiki v regionakh Zapadnoi Sibiri: mekhanizmy vzaimodeistviia vlasti, nauki, obshchestvennosti. Sb. st. po itogam mezhtseletnogo nauch.-prakt. seminar. (Kemerovo, 21–22 noyabr. 2012 g.)* [Applied ethnology and topical issues of ethno-national state policy in the regions of Western Siberia: mechanisms of interaction between the government, science, and the public at large. A collection of papers following an interregional research and practice-oriented seminar held in the city of Kemerovo on 21-22 November 2012]. Kemerovo: Praktika, 2013, pp. 67-82.
- Sleptsov A.N. O pravovykh aspektakh vzaimodeistviia promyshlennyykh kompanii i narodov Severa pri promyshlennom osvoenii territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniia [On legal aspects of the interaction between industrial companies and the peoples of the North during industrial development of territories of traditional use of natural resources], *Pravovye i sotsial'noekonomicheskie problemy razvitiia narodov Arktiki. Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Iakutsk, 2011 g.). Vyp. 9* [Legal and socio-economic problems of development of the Arctic peoples]. Iakutsk, 2012, pp. 24–31.
- Sleptsov A.N. Etnologicheskaya ekspertiza v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i traditsionnoi khoziaistvennoi deiatel'nosti narodov severa: regional'nyi opyt pravovogo regulirovaniia i pravoprimeritel'noi praktiki [Ethnological impact assessment in places of traditional residence and economic activity of the peoples of the North: regional experience of legal regulation and practice], *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2013, no. 12(67), pp. 71-75.
- Sleptsov A.N. Gosudarstvennaia etnologicheskaya ekspertiza Respubliki Sakha (Iakutiia) [State ethnological impact assessment in the Republic of Sakha (Yakutia)], *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 1(4), pp. 15-24.
- Sleptsov A.N., Gogolev P.V. Metodicheskie rekomendatsii po provedeniiu etnologicheskoi ekspertizy v Respublike Sakha (Yakutiia) [Methodological recommendations on conducting ethnological impact assessment in the Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2016. 48 p.
- Sosin P.V. Iuzhnaia Iakutiia: sotsial'naia adaptatsiia i etnoekologicheskie problemy korenykh malochislennykh narodov Severa [South Yakutia: social adaptation and ethnological problems of the small-numbered indigenous peoples of the North], *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2015, no. 2(11), pp. 69-74.
- Funk D.A. (red.) *Kul'tura i resursy. Opyt etnologicheskogo obsledovaniia sovremennogo polozheniia narodov Severa Sakhalina* [Culture and resources. An ethnological study of the current state of the peoples of the North in Sakhalin]. Moscow: Izdatel'stvo «Demos», 2015. 272 p.
- Shadrin V.I. Etnologicheskaya ekspertiza kak instrument zashchity korenykh malochislennykh narodov Severa: opyt, problemy, perspektivy (Na primere Respubliki Sakha (Iakutiia)) [Ethnological impact assessment as a tool for protecting the small-numbered indigenous peoples of the North: experience, problems, and prospects (the case of the Republic of Sakha (Yakutia))], *Arkticheskaya zona Rossiiskoi Federatsii: Severo-Vostochnyi vektor razvitiia. Sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi 380-letiiu vkhozhdeniia Iakutii v sostav Rossiiskogo gosudarstva. 28–30 noiabria, g. Sankt-Peterburg. Ch. II* [The Arctic zone of the Russian Federation: a north-eastern vector of development. A collection of papers following the International Research and Practice-Oriented Conference dedicated to the 380th anniversary of the accession of Yakutia to the Russian state, held on 28-30 November in Saint Petersburg. Vol. II]. St. Petersburg, 2013, pp. 406–413.

- Shadrin V.I. Etnologicheskaya ekspertiza v Yakutii [Ethnological impact assessment in Yakutia], *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [The ethno-political situation in Russia and adjacent states in 2013. EAWARN annual report]. Moscow: IEA RAN, 2014, pp. 331-337.
- Shadrin V.I. *Pri prinyatii reshenii v sfere nedropol'zovaniia neobkhodim uchet interesov korennykh malochislennykh narodov Severa* [Interest of the indigenous population of the North should be taken into account when making decisions on subsoil resources use]. 2015. Available at: <http://iltumen.ru/content/vyacheslav-shadrin-%C2%ABpri-prinyatii-reshenii-v-sfere-nedropolzovaniya-neobkhodim-uchet-interes> (Accessed 12 March 2017).